

Рукопись этой книги была отобрана
для публикации в рамках II сезона
литературного конкурса издательства
«Белая ворона»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Зуля Стадник

Она не больна

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С75

Стадник, З.
Она не больна/ Зуля Стадник; – М. : Albus Corvus, 2023. –
136 с.

ISBN 978-5-00114-355-0

© Зуля Стадник, 2023

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2023

Оглавление

1.....	7
2.....	14
3.....	18
4.....	24
5.....	32
6.....	45
7.....	48
8.....	64
9.....	71
10.....	83
11.....	90
12.....	95
13.....	98
14.....	102
15.....	105
16.....	109
17.....	113
18.....	118
19.....	122
20.....	126
21.....	133

Артем проснулся от шума и выглянул в окно. Какая-то девчонка стояла на крыше соседней дачки и, задрав голову, вопила:

– Кра-а-а! Кра-а-а-а! Кра-а-а-а!

Стая ворон наматывала над ней круги и орала в ответ. Девчонка же только смеялась и махала широкими рукавами сорочки:

– Кра-а-а-а!

Сумасшедшая, что ли? Артем накинул ветровку, вышел из дома во двор и выглянул в щель между досками забора – но та девчонка уже спрыгнула с выступа крыши на балкон и скрылась за дверью чердака. Вороны продолжали летать над ее домом и истошно кричать.

На шум из соседних домиков выскочили две пожилые соседки. Они вышли на дачную улицу и встали у забора, за которым сидел Артем. Он отпрянул.

– Ох, не к добру это, – наконец, вздохнула одна из них, махнув на ворон.

– Не к добру, – кивнула другая. – Ты же знаешь?

– Знаю, конечно. Все знают, что у Нитениных дочка больна. А еще эти вороны над крышей. Дурная примета. Кыш! У-у, дикие какие!

– Ну, пойду я, мне сегодня еще огурцы сажать. А девочку жаль, конечно.

Соседки разошлись.

Да уж, повезло ему. Переехал в этот город, где у него нет ни друзей, ни знакомых. Все лето проведет на даче, где живут одни пенсионеры. Так еще и напротив него живет сумасшедшая!

А он только обрадовался, что эта девушка ему ровесница, ей, наверное, как раз лет четырнадцать.

Артем толкнул калитку, вышел. Мелкие камни царапнули босые ноги. Но возвращаться за обувью не хотелось. Он раздумывал, куда повернуть. Направо — река, еще широкая, июньская, с сочной травой и песчано-илистым берегом. Налево — лес, если обойти несколько дачных улиц и пройти узкую тропу в зарослях. Артем решил пойти к реке, но посмотрел на всякий случай еще и прямо — на участок Нитениных, тех самых, с больной дочкой.

Почему она больна, интересно? Такая родилась? Или из-за несчастного случая?

Только Артем сделал шаг, как калитка Нитениных распахнулась, чуть не ударив его по носу. За калиткой оказалась та самая девчонка, теперь в платье, она стояла, уставившись в книжку и улыбаясь страницам.

— Ой, — она заметила Артема и подняла голову. — Не желаете приобрести немного сердитости?

— Что? — Артем помотал головой. Хотел отступить, но почему-то стоял, как будто ему ноги приколотили. Камни больно впивались в ступни.

— Да это из книжки, — девочка помахала перед его лицом страницами. — Теллеген.

— Ясно, — Артем сделал шаг назад. — Ну, я пойду.

— Ага.

Он повернулся налево, сделал несколько шагов, потом вспомнил, что хотел пойти направо, к реке. Но

возвращаться при девчонке показалось глупым. Хотя какая разница, если она и сама не в себе?

Артем развернулся и пошел назад. Девчонка стояла там же и сияла. Утреннее солнце вылезло из-за соседней дачки и обрушилось на ее лицо. Она жмурилась, прикрывала ладонью лоб и улыбалась ему, Артему.

— Тоня, — сказала она, едва Артем с ней поравнялся.

— Что? — спросил он.

Подумал, что сумасшедшая девочка опять говорит ему что-то странное. Уйти бы от нее поскорее, но она протянула ладонь и повторила:

— Тоня.

Потом спросила:

— Тебе босиком не больно? Тебя как зовут?

— Артем.

— А я Тоня... тьфу, да я ведь уже сказала.

Она опустила протянутую руку, кисть безвольно поникла, как мертвая рыба, брошенная на сушу. Артему вспомнились слова соседок, и ему вдруг стало ее жаль. Он схватил поникшую руку, потряс, неловко отпустил.

— Приятно познакомиться. Ну, я пошел, ладно?

Отвязаться бы скорее, но чтобы не обидеть.

— Так ты не ко мне подошел сейчас? — искренне удивилась Тоня.

— Я к реке...

— О, правда? Я как раз туда хотела. Пойдем вместе?

Артем вскинул голову, встретился с ней глазами, замер. А потом быстрым шагом рванул влево, мимо дачек, заборов — в лес. Камни озверело ввинчивались в кожу, но он не останавливался, пока та странная

дача и та больная дочка не скрылись из вида. Пожалуй, она теперь всегда будет к нему цепляться, раз он с ней заговорил.

Артем ступил на нежную июньскую траву, влажную от росы, и зажмурился от солнца. Трава приятно холодила ушибленные ступни. Солнце уже начало припекать, и Артем снял ветровку, повесил на локоть.

Пожалуй, она красивая. У них в школе Тоня могла бы стать одной из тех девчонок, на которых все оглядываются. Если бы она была нормальной.

Артем побродил по тропинкам, с досадой думая, что в такую жару лучше сидеть в реке, а не бродить в душном лесу, потом повернул домой. И заметил одну из троп, почти заросшую крапивой и чертополохом, ведущую в другую сторону.

«Как раз к реке она и ведет, — догадался он. — Вечером проверю».

Этим летом Артем решил больше купаться, чтобы нормально держаться на воде. В округе почти нет сверстников, так что учиться будет не стыдно. Пока же он плавал только у берега.

Перед калиткой Артем воровато оглянулся: нет ли той сумасшедшей? И юркнул внутрь.

Мама сражалась со шлангом, он извивался бешеным ужом и плескался во все стороны.

— Выдерни штепсель! — крикнула она. — Там, в бане!

Артем забежал в баню, дернул за провод. Вышел — мама стояла вся мокрая с ног до головы и смеялась. Он даже позавидовал.

— На, — она протянула шланг, — здесь дыра, починишь? Изолента в доме, на тумбочке в прихожей.

Артем сходил за изолентой, взялся перематывать.

— Мам, а я не могу один пожить, в городе?

— Нет, — мама выжимала волосы и отряхивала с рук воду.

— Ну ты чего, мне четырнадцать!

— Тема, а где ты будешь жить, интересно? Квартиру отцу дали, но там только начали делать ремонт. А снимать жилье в городе слишком накладно. Да и зачем тебе, ты этот город все равно не знаешь.

— Вот и узнал бы! — буркнул Артем.

— Скучно тут?

— Весело.

— А напротив, кажется, живет соседка твоего возраста.

Познакомился бы.

— Я познакомился.

— Да? Как зовут?

— Тоня.

Сказать маме или нет, что она не в порядке? Пока Артем раздумывал, мама уже направилась в дом.

— А еще полей грядки с морковью, ладно? Раз тебе заняться тут нечем.

— Шикарное развлечение!

— А то!

Водяные клинья врезались в рыхлую землю. Можно, наверное, всю жизнь провести на этой грядке, держать в руках шланг, смотреть на брызги. Но это если тебе пятьдесят, а не почти пятнадцать.

— И я переживу!

И вас, и нас переживу!

И смех, и грех переживу,

*И всё и всех переживу-уу!
Па-па-ра-па-ра-па-па-па...**

Артем опустил шланг на землю, подкрался к забору, выглянул в щель между широкими досками. По улице шла та самая девчонка, размахивала полотенцем и громко пела. Влажные волосы свисали тонкими сосульками, платье липло к мокрым ногам. Она тоже была босая, но шагала так свободно и легко, чуть ли не подпрыгивая, как будто к ее калитке вела мягкая ковровая дорожка, а не острый гравий.

— Артем! — крикнула мама.

Она бежала к шлангу. Там, вокруг грядки, натекла уже приличная лужа.

— Значит, один хочешь пожить? — съязвила мама. Она уже сама подняла шланг и поливала другую грядку.

— А что?

— В городе хочешь пожить один, а сам с поливкой справиться не можешь, — уже прямо осудила мама. — А кто там пел?

— Тоня.

— А, это та самая Тоня?

— Она шла по улице и пела, — уточнил Артем. Он не знал, как рассказать маме, что соседка не в своем уме.

— Хороший голос.

— И махала полотенцем.

— Да? И что же?

Артем подошел, выхватил шланг из маминых рук и начал описывать им круги и восьмерки. Мама завизжала:

— Э-эй! Я только что волосы высушила, Тем!

— Вот так она им махала. Махала и пела.

— Веселая, наверное, девочка! Вот, значит, и здесь есть с кем пообщаться. А переехать мы только ближе к осени сможем, ничего не поделаешь.

Артем отдал шланг и пошел к дому. Ладно, не будет объяснять, мама и сама все узнает. От соседок.

* Песня Монеточки «Переживу» (2020).

Вечером он решил пойти к реке. Только, чтобы снова случайно не столкнуться с Тоней, вылез с другой стороны ограды и отправился к той полузаросшей тропе возле леса. Жара уже спала, но воздух был такой же душный, и в длинных штанах и толстовке Артем тут же вспотел. Но снимать не стал — на той тропе наверняка полно комаров и колючек.

Сначала дорожка едва выглядывала из-за зарослей, и Артему приходилось отталкивать рукавом колючий шиповник и уворачиваться от жгучих листьев крапивы. Но через несколько шагов тропа стала шире, и он зашагал свободно.

За кустами виднелась река, Артем прикидывал, как можно к ней спуститься. Неожиданно показался песчаный склон — ну, наконец можно сбросить потную одежду и окунуться в прохладную воду. Он подошел ближе и с удивлением обнаружил у берега старое кресло.

Артем на ходу стянул толстовку, хотел бросить на кресло, но тут заметил, что там уже лежит платье, то самое, светлое в цветочек, что было на ней...

Он шагнул за дерево, вгляделся сквозь ветки. Тоня плыла от берега, на середине реки виднелась ее светлая голова. Не заметила, была к нему спиной, уф! Артем хотел было уже уйти, но она повернула к берегу.

Он сел на землю и прижался к дереву. Теперь, когда Артем замер, звуки казались громче и ярче: шуршание невидимых в траве мелких животных, плеск вынырывающих рыб, оглушительный треск цикад. Он решил пересидеть здесь. Тоня его не заметит — трава высокая. Артем сквозь листву смотрел на то, как она плывет. Впрочем, нормальным плаванием это не назовешь: она то делала несколько сильных взмахов, то раскидывала руки, то крутилась волчком. Уходила под воду, выныривала, кувыркалась так, что над водой некоторое время торчали ее маленькие ступни, и снова поднималась на поверхность. Артем позавидовал тому, как свободно и легко она держится на воде, сам он плавал редко и поэтому не очень уверенно.

Тоня была уже почти у берега.

Над Артемом звенели комары, один впился в затылок. Он смахнул его, и потревоженная трава тут же отозвалась шорохом. Артем замер, вжался в землю, потом все же осторожно выглянул из укрытия. Тоня стояла в воде, слегка наклонив голову, и прислушивалась.

Неужели заметила?

Но она смотрела в другую сторону — вверх, на ивовые стволы, кого-то там выискивая. Артем недоуменно покрутил головой и прислушался.

Рядом гудел провод, где-то на краю дачного поселка заходила в пронзительном лае мелкая собачонка, за рекой шумела трасса. Вот и все.

Тоня вдруг подняла одну руку, потом вторую. Изогнула запястья, взмахнула головой, повернулась. Ее движения были резкими и мелкими, и Артем догадался: этот странный танец исполнялся под треск цикад.

Артем хмурился, но все равно смотрел. Только присел еще ниже, прячась за травой и кустами дикой вишни. Его скрывали и удачно накатившие сумерки — солнце уже садилось, окрашивая поверхность реки в мягкий рыжий цвет.

Цикады замолкали, и тогда замирала и Тоня, нетерпеливо вглядываясь в темные заросли. И снова дергала руками и головой, как только насекомые принимались буравить воздух своим треском. Танцую, Тоня шагнула ближе к берегу, над водой показались ее плечи и...

Артем зажмурился. Она была без купальника. Когда он открыл глаза, Тоня уже отвернулась, и над водой виднелись ее острые белые лопатки. В животе и горле заныло — и неприятно, и сладко. Теперь он, не отрываясь, смотрел на то, как в наползающих сумерках, в темной воде со странной грацией дергаются руки, взметываются волосы, поворачивается голова.

Она вышла на берег, когда было уже почти совсем темно. Подхватила платье, быстро надела его, не вытираясь, и ушла.

Артем поднялся и медленно побрел домой — купаться ему уже не хотелось. Чесалась искусанная комарами шея, от сырой травы промокли штаны. И вообще невозможно было зайти в воду, в которой танцевала Тоня. Как будто река, заколдованная, принадлежала сейчас только ей.

На дачке, в комнате родителей, еле слышно бубнил телевизор, и сами они о чем-то тихо переговаривались, еще не спали. Артем толкнул дверь своей комнаты, зашел и, раскинув руки, рухнул на старый диван. Тот глуховато взвизгнул, продавился, и еще некоторое время в нем ворчали старые пружины. Артем сразу подумал:

как бы этот звук станцевала Тоня? Насупился, но тут же представил плавный поворот ее спины, наклон, волну рукой. И после этого уже не смог остановиться: мушиное жужжание, бормотание телевизора, шаги прохожих на ближайшей дачной улочке, шорох ветра и назойливый скрип раскачивающейся железной балки — под все это в его воображении танцевала Тоня. В том самом светлом летнем платье в мелкий цветочек. Но вдруг, обмирая и пугаясь своих мыслей, Артем увидел ее снова в воде, раздетую, представлял, как показывается над водой ее грудь, лопатки, плечи.

Он стянул с себя одежду, залез под выцветшее толстое покрывало, выключил свет. Хотел заснуть, но мысли о Тоне не прекращались.

— Отвяжись, — буркнул Артем, залез под покрывало почти с головой и постепенно забылся. Но сон тянулся навязчивым глухим кошмаром, не отпускал.

Он проснулся, когда в комнате было уже светло и душно. Пахло оладьями.

Артем вышел из комнаты. Мама стояла у плиты, он шутливо боднул ее в спину. Она вздрогнула, повернулась и погрозила ему ложкой.

— Не убегай никуда. Поможешь вскопать огород мото-блоком — я его у соседей одолжу.

— Мыхм, — согласно замычал Артем, он уже запихал в рот оладью и поднимался по узкой скрипучей лестнице на второй этаж. Там была лишь одна комната под самой крышей, почти пустая. В ней они пока не обосновались, но время от времени заходили: если встать там у окна и немного подождать, можно было поймать интернет-связь.

Артем прислонился к окну, достал телефон. Из окна на чердаке был хорошо виден участок Тони. На нем почти не было грядок: подстриженная кое-как трава, сосны, качели, и всё. Натянутые веревки качелей неспешно двигались туда-сюда, но Артем не мог разглядеть за листвой и забором, кто на них сидел.

Включил телефон — связь слабая, но все же есть. Видео не посмотришь, а сообщение отправить вполне можно. Он стал листать список контактов, но перед глазами мельтешили качели. Они раскачались сильнее, казалось, еще немного — и можно будет увидеть того, кто на них сидит.

Он с досадой отвернулся от окна, нашел, наконец, в списке Данилу Чотина. Чотин был с ним в отряде в приморском лагере год назад. Они тогда сдружались, перед отъездом обменялись контактами, хотели сыграть вместе онлайн или просто пообщаться, но в итоге в ленте сообщений не было ничего кроме «доехал норм», «я в пути, скоро буду» да пары стикеров, отправленных еще в августе. Тогда Артем и представить не мог, что будет жить в том же городе, что и Данила. Он отправил ему сообщение и спустился вниз.

Мама пила чай, одновременно листая какой-то журнал. Подвинула и ему кружку, кивнула. Артем сел, взял новую оладью, одновременно листая фото в телефоне.

— Я написал Даниле Чотину, позвал к нам в гости. Вот. — Он сунул маме телефон. — Я с ним в Сочи познакомился, когда в лагере был.

На фото два загорелых парня стояли под пальмой. Он и Данила.

— А, понятно, замечательно. — Мама взгляделась в фото. — Ох, ты тогда был еще такой юный...

— А щас старик!

— Только у нас же здесь совсем не устроено, дачка старая, сам знаешь, купили хоть что-то, чтобы провести здесь лето.

— Он может спать на чердаке. Если приедет, конечно. Наверяд ли приедет.

— Почему?

— Да что ему тут делать?

— Дышать свежим воздухом, купаться, — мама пожала плечами и с легкой укоризной посмотрела на Артема.

Он вспомнил вчерашнее неудавшееся купание, опустил глаза в кружку, изучая свое отражение в темном чае.

— Я хотела с тобой поговорить, — неловко начала мама, — ну, насчет той девочки, Тони...

— Ну.

— Я утром узнала про нее... что она...

— Да ладно, можешь не говорить, я уже слышал, — перебил Артем.

— Правда? Ты знаешь? Я вот думаю, может, тебе правда подружиться с ней? Так жаль ее!

Артем исподлобья глянул на маму.

— Я в сиделки не нанимался.

— Тема!

— Тем более она вполне самостоятельная.

— Ну как можно быть таким жестоким?! — Мама резко поднялась и метнулась к раковине.

Рассердилась.

— Иди, сходи за мотоблоком, — глухо сказала она, не поворачиваясь и хмуро намывая чашки.

— А где он?

— Там, у Нитениных. Они обещали дать.

Артем поднялся.

— Постой, — сказала мама. — Спроси: может, им какая-то помощь нужна? Я спросила, но мне Лариса — это Тонина мама — сказала, что им ничего не нужно. Но ты попробуй узнать.

Артем вышел из дома, остановился у калитки, скрестил руки. Он волновался. Страшно было зайти в тот двор, на тот участок, хотя всего-то и нужно было: попросить мотоблок и выкатить его. Неужели он так боится ее, этой помешанной русалки?

Артем толкнул свою калитку, подошел к забору Нитениных, позвонил в звонок. Вместе со звонком дернулось его сердце и затарахтело сильнее мотоблока, так что он сунул руки в карманы и сжал кулаки. Он не боялся Тони. Но он видел ее в реке и откровенно подглядывал. И сейчас ему тоже хотелось на нее посмотреть, но так, чтобы самому на глаза не попадаться.

Никто не открывал. Артем позвонил еще, с облегчением думая, что вот еще минута — и он уйдет. И пусть мотоблок отец тащит, когда вечером вернется. Он подождал. Никто не шел к калитке. Можно, в общем-то, сваливать.

Но Артем стоял.

Потом позвонил еще, с силой нажимая на звонок, и дернул ручку двери на себя. Она оказалась незапертой. К нему уже спешила миловидная полная женщина, на ходу стягивая перепачканные в земле резиновые перчатки. Это, наверное, и была Лариса.

— Ты же наш сосед, Танин сын? — спросила она. — За мотоблоком? Будешь чай?

Он кивнул. Потом помотал головой:

— Не буду. За мотоблоком, да.

В дальней части участка, на качелях, привязанных к толстой сосновой ветке, сидела Тоня. Слегка раскачивалась, отталкиваясь правой пяткой от земли, смотрела в телефон. Артем заметил провода наушников, тянущиеся от телефона к ушам.

— Доченька, ты чего не открываешь? Не слышала? — спросила женщина и повернулась к Артему. — Я как раз вытащила саженец из горшка, не могла сразу подойти.

Тоня подняла голову и только тут заметила его. Артему показалось, что в ее глазах мелькнули смешливые

искорки. И уголки губ на мгновение взлетели вверх, как будто готовясь рассмеяться.

— Мотоблок в кладовке, — сказала мама Тони. — Мы им уже давно не пользуемся, пусть хоть вам пригодится. Пойдем. Ты Артем, правильно?

Они зашли в темный сарай, и Артем быстро проговорил:

— Тетя Лариса, вам нужна какая-нибудь помощь?

— Что? — растерянно произнесла она.

— Ну, помощь... — он замялся. — Не нужна? Может, на даче что-то починить или перетаскать вам?

Мысленно он ругал маму, которая заставила его соваться к незнакомым людям с таким вопросом.

— Нет, — тетя Лариса опустила голову. — Дача меня не интересует.

Артем невольно усмехнулся: он чувствовал то же самое. Только ведь соседку, наверное, никто не заставляет здесь жить.

— Я только за Тонечку тревожусь... — все так же пряча глаза, проговорила тетя Лариса. — Сможешь иногда за ней посматривать?

Артем не ответил и поспешно покатыл мотоблок к калитке.

Тот оказался громоздким и тяжело катился по неровной заросшей дачной тропе. На участке сорняки не выдергивали, только косили. А на грядках росли вперемешку ромашки, клевер, маки и садовые цветы. Через пару метров мотоблок вдруг и вовсе встал. Артем толкнул его сильнее, но они почти не сдвинулись с места. Тоня поглядывала на его усилия сквозь лениво опущенные ресницы.

Потом спрыгнула с качелей, подошла. Ее лицо и в тени сосен казалось сияющим. Глаза золотистые с темными зелеными ободками вокруг зрачков. Маленькие пухлые губы, как у ребенка. Светлая тонкая кожа, мелкие веснушки на щеках и носу. И все это как будто подсветили фонариком изнутри.

Тоня присела к мотоблоку и резким рывком вытащила из-под колес рыжего игрушечного зайца. Усмехнулась.

— Бедный Станислав!

— Что?

— Аркадьевич. Так его звали, пока ты его не убил.

Артем испуганно посмотрел на нее, и Тоня рассмеялась.

— Не бойся, я не буду сообщать в полицию. Похороню без свидетелей.

Мотоблок снова покатылся, и Артем прибавил ходу, чтобы поскорее уйти.

— Ты всегда такой неразговорчивый? — спросила она в спину.

Но он не обернулся.

Артем вкатил мотоблок на свой участок и уселся на скамейку. В колесах машины застряла трава и пара цветков, он наклонился и вытащил ромашку. Оборвал лепестки, помусолил серединку, она раскрошилась на пахучую мякоть. Сковырнул с колес мотоблока сухую налипшую грязь. Отколупал со скамейки кусок старой потрескавшейся краски.

Потом резко встал и быстро, пока не успел передумать, подбежал к забору напротив. Когда он распахнул калитку, стоявшая неподалеку Тоня вздрогнула от неожиданности. У нее в руках был тот самый заяц, Станислав Аркадьевич. Наполовину оторванная голова зайца свисала набок. Лицо Тони ничего не выражало, но по щекам лились слезы.

— Пойдем гулять, — выпалил Артем, с испугом глядя на ее мокрое лицо.

— А куда? — ровным тоном спросила Тоня. Слезы капали со щек на шею и ключицы, забираясь под ворот футболки.

— Куда хочешь. Я хожу только на реку, ну или в лес.

— А на поле?

— Это где?

— Там, — она махнула рукой. — Если идти прямо, прямо, к реке не сворачивать.

— Пойдем.

Тоня кивнула и направилась к калитке. Артем шагнул за ней, но она неожиданно остановилась, и он чуть не уткнулся носом в её макушку. Ее волосы пахли сосновой смолой, землей и чем-то речным, подводным.

— Лопату забыла, — она вернулась и достала из-под скамейки инструмент.

— Зачем?

— Похороним этого, — пожала плечами Тоня.

Артем скосил глаза на игрушечного зайца, но промолчал. Хоронить так хоронить.

Они шли молча. Мимо них, трясаясь на колдобинах, медленно проезжали машины, проносились малышня на великах, шагали дачники с удочками, ведрами, граблями. Тоня брела, никого не замечая, будто была одна на целом свете. Все было в ней странным, но больше всего Артема удивляла ее отстраненность от окружающих. Такая отстраненность была у его собаки, Марты, когда она болела уже четвертую неделю и все знали, что ее скоро не станет. И только Артем продолжал ее ласково тормошить, предлагать вкусные кусочки. Она не брала.

Но Тоня при этом не казалась несчастной, даже когда плакала. И сейчас она шла и улыбалась, слегка жмурясь от солнца, с наслаждением погружая стопы в мягкую дорожную пыль. Весь ее облик выражал уверенность красивого нормального здорового человека. Артем был уверен, что она плакала не из-за него и то, что он решил с ней пойти, приняла как должное.

Где-то он слышал, что люди с расстройством психики не понимают, что больны. Впрочем, он и сам бы ни за что не догадался, если бы Тоня вела себя как все. Что у нее за диагноз такой? И не спросишь никого, неловко.

Они вышли за дачный поселок. Песок и гравий под ногами сменился землей, деревья по сторонам были выше, и заросли трав пахучее и гуще. Гудели шмели, да и сам воздух как будто гудел — от жары, ароматов и звуков. Тоня остановилась, как будто споткнулась. Закрыла глаза, медленно вдохнула.

— Люблю здесь.

— Ты часто сюда приходишь? — спросил Артем, отвернувшись от ее лица, такого томного, лучистого. Все эти луга, облака, шмели подходили ей и делали еще красивей.

— Каждый день.

— И всегда одна?

— Одна.

— Тебя отпускают?

— Мне все можно.

Тоня двинулась дальше, а Артем замолк, хотя первым порывом было расспросить, узнать все до конца.

— Но, — не выдержал он и решил на еще один вопрос, — разве это для тебя не опасно — ходить одной так далеко?

Она засмеялась. Как-то слишком резко и надрывно, так что Артем втянул голову в плечи и окончательно решил больше не спрашивать. Тоня протянула ему зайца.

— Скажи это Станиславу Аркадьевичу. Он восемь лет никуда не ходил и погиб на своем участке под колесами мотоблока.

Они вышли из тенистой рощи, и Артем зажмурился. Всего этого — шмелей, травы, цветов, запахов — вдруг стало значительно больше.

— Правда, классно? — спросила Тоня и кинула лопату в траву.

И побежала.

Когда Артем открыл глаза, ее светлая футболка мелькала впереди, теряясь среди травы и неба. Он подхватил лопату и направился следом, восхищенно озираясь. Поле было ошеломительное, такое же, как Тоня. Может, если он будет ходить сюда каждый день, то станет таким же диким и свободным, как эта девчонка? Она бежала, растопырив руки, подпрыгивала и кружилась. Артему казалось, что Тоня забыла про него. Она была сама по себе и спешила всему порадоваться: «Вот дорога, и я по ней бегу, вот небо, и я в него смотрю, вот воздух, я его вдыхаю». Ее радость выглядела странно, даже неестественно. И все-таки это было красиво, все вместе с ней было красиво: она и поле, она и река, она и дорога. Если бы он был фотографом, мог бы сделать крутые снимки.

Артем положил на землю лопату и зайца, достал телефон и начал снимать ее украдкой. Потом сел на траву, скрестив ноги, сорвал сухой ржаной стебель, сунул в рот. Тоня шла к нему. Нет, не к нему, а к тому месту, где он сидел, — в тень под тополем и кустами боярышника. Казалось, для нее он был чем-то вроде тополя и куста, она его нисколько не смущалась.

Все-таки на месте родителей Артем бы не отпускал ее одну. Мало ли что может случиться с ней, с такой.

Тоня села рядом, и он сразу сказал:

— Я буду ходить сюда с тобой.

Мгновение помедлив, она добавила:

— Ты мне не мешаешь.

И потом повторила:

— Странно, но ты мне совсем не мешаешь.

— Давай тогда так: как соберешься идти, зови меня, ладно? — предложил Артем. — Ты же знаешь, где я живу? Мое окно смотрит во двор, стукни в него чем-нибудь, если надумаешь. Можем и купаться вместе сходить.

— Выкопаешь яму для Станислава? — невпопад спросила она.

Артем нашел в траве лопату и врубил ее в землю.

— Нет, не здесь, не на дороге. Комай у тополя.

Он подошел к дереву, стал копать. Тоня, не поднимаясь, рвала цветы — те, до которых могла дотянуться.

— Только вечером я тебя с собой на реку не возьму, — проговорила она, складывая тонкие стебли ромашек. — В это время мне нравится быть там одной.

Артем почувствовал, как у него розовеют и пульсируют кончики ушей. Ладони вспотели, он перехватил лопату и отвернулся, чтобы Тоня не видела его лица. Он сразу представил ее в воде, раздетой, танцующей.

— У меня есть там тайное место, — призналась Тоня. — Моя бухта. Там никто не бывает.

— Я выкопал, — буркнул Артем, почти перебив ее. Он не хотел думать об этом. О нежной прозрачной коже, о плавном изгибе спины, о том, как из воды показывались маленькие круглые груди. Слишком необычной была Тоня, чтобы так о ней думать. Артем мысленно перечеркнул жирными линиями все то, что приходило ему в голову, когда он тем вечером вернулся в свою комнату. Нет.

Тоня присела на корточки у ямы и опустила в нее зайца.

— В детстве я верила, что игрушки живые.

Артему стало не по себе. Тоня смотрела в яму напряженно и жестко, как будто высматривала на дне что-то

страшное. Глаза ее сузились, потемнели, и фонарик внутри нее погас.

— Его можно зашить, — сказала она.

Но сама уже взяла горсть рыхлой мягкой земли и бросила в яму. Желтая выцветшая шерстка покрылась мелкими земляными крошками.

— Можно зашить, — почти попросил Артем.

Эти странные похороны все больше его пугали.

Она продолжала бросать землю, пока заяц не скрылся целиком. Примяла землю ладонями и положила сверху букет. Потом села и опустила голову на колени. Волосы заслонили ее лицо. Артему хотелось дотронуться до нее, погладить, как он гладил собаку Марту. Но он только спросил:

— Пойдем назад?

Она помотала головой. Поднялась и пошла по тропинке дальше в поля.

— А лопату? — крикнул вдогонку Артем. — Взять? Или потом заберем?

Тоня не ответила. Тащить не хотелось, и он спрятал лопату в кусты. Тропа уходила в сторону, огибая рощу, потом возвращалась к полю. Она послушно тянулась вдоль изгибов реки. Сквозь деревья можно было разглядеть сутулые спины рыбаков, за рекой виднелись домики соседнего поселка.

В кармане Артема ожил телефон, забубнил мелодию — это была мама. Он тут же вспомнил про брошенный у скамейки мотоблок.

— Тема, ты где? — спросила мама в трубке. — Ты придешь копать или мне самой это делать?

— Приду.

Артем нажал отбой, но к дому не повернул. Тоня шла молча. Иногда она останавливалась и принималась жадно разглядывать все вокруг с непонятым усилием, как будто хотела забрать с собой поле, изгиб реки, склонившийся колосок, блики солнца на дрожащих листьях. Она была сама по себе, и Артем не понимал, можно ли снова предложить ей вернуться.

— Я вообще впервые живу на даче, — сказал он. — Вот моя мама родилась в деревне, ей привычно здесь. А я всегда лето проводил в городе, почти и не ездил никуда.

Тоня оглянулась:

— Да, я тоже.

— Тоже?

Он удивился. Ему казалось, что Тоню невозможно отделить от этих полей, реки, деревьев. И в городе, среди его сверстников, он тем более не мог ее представить.

— Я бывала здесь каждое лето, когда была маленькой, но потом почти не приезжала.

— А в школу ты не ходишь?

— В школу? Хожу, а почему нет? То есть, — она помедлила. — Вообще, да, в школе я не была с марта.

Артем вздохнул с облегчением. Тоня говорила нормальными, совершенно обычными, не русалочьими словами. Он решил продолжить:

— А у меня будет новая школа и класс — в этом городе. Мы только-только переехали, но родители решили, что, пока лето, дешевле снять дачу, а не квартиру.

Телефон в кармане Артема снова напомнил о себе, и он не глядя отключил его. Понятно, что мама.

Тоня повернула назад — наверное, догадалась, что его ждут.

На обратном пути он вытащил из кустов лопату и, когда они подошли к калитке, отдал Тоне. Она рассеянно проговорила:

— Зайца можно было зашить...

На его участке шумел мотоблок. Артем поспешил туда, отстранил маму, сам взялся за агрегат.

— А где ты был? — мама старалась перекричать шум мотора.

— Хоронил.

— Кого? — мамины брови испуганно взлетели вверх.

— Станислава Аркадьевича!

Артем посмотрел на мамино лицо и захохотал громче мотоблока. Потом все же пояснил:

— Да нормально все, мам. С Тоней гуляли.

Он закончил с грядками и полез с телефоном на второй этаж. Возможно, Данила уже ответил на сообщение. Однако наверху Артем первым делом посмотрел не на экран, а в окно — на Тонин участок. Девушка сидела, прислонившись спиной к дереву, и читала книгу. Нежные белые пальцы перелистывали страницы, ласково проглаживая бумагу. Светлые волосы цеплялись за сосновую кору. Артем поразился, до чего у нее бледные ноги: Тоня ведь часами гуляет под солнцем, должны были загореть. Рядом валялась футболка, Тоня была в тонкой майке, под которой отчетливо проступали груди. Такие маленькие, круглые... Артем отвернулся.

На экране телефона мигали непрочитанные сообщения. Но все они были от его старых друзей, Данила еще не прочел его приглашение.